

Елена Вольская

Калейдоскоп

Совет соперницы

Вы не поверите, но когда я шла к любовнице своего мужа, то совершенно не волновалась. Я была полна решимости и злости. Я хотела только одного — прекратить их связь и сохранить свою семью. Я была уверена в том, что устрою своей сопернице грандиозный скандал. И сейчас я мысленно подбирала все самые отвратительные слова, которые имелись в моем лексиконе.

Только у двери ее квартиры я вдруг почувствовала, как мои ноги стали ватными, а руки предательски задрожали. Но я сделала глубокий выдох и решительно нажала кнопку звонка.

Трель звонка раздалась в квартире, и мне показалось, что квартира пуста. И я позвонила еще раз. За дверью было тихо. Ее, наверное, не было дома. Я отлично понимала, что прийти сюда еще раз у меня не хватит решимости. И я уже развернулась, чтобы уйти, как услышала поворот ключа в замке. Я обернулась.

— Заходи, — как-то буднично произнесла она. — Я знала, что ты придешь... рано или поздно.

Я уверенно шагнула в квартиру.

— Снимай обувь, я недавно уборку закончила. Проходи в гостиную.

Я послушно сняла туфли и аккуратно поставила их на обувную полочку.

— Тапочки дать? — просто спросила моя соперница.

Я отрицательно покачала головой и взглянула на хозяйку.

— Ладно, не хочешь — не надо, — равнодушно произнесла она. — Идем.

Осматриваясь, я двинулась вслед за ней вглубь квартиры. У нее было чисто и уютно. И меня поразило обилие картин на стенах. Это были неплохие картины.

— Да, картины хорошие, — словно услышав мои мысли, произнесла хозяйка. — Это все подарки. Мои друзья дарят мне их при каждом

удобном случае. А начиналось все вот с нее.

Любовница моего мужа указала рукой на очень необычное полотно. Над безбрежным лиловым простором в звеняще голубом небе высоко парила синяя птица. Она была одна, но нисколько не боялась одиночества. Она замерла, словно раздумывая, куда ей лететь дальше, но решение все не приходило...

— Присаживайся в кресло, — моя соперница сделала приглашающий жест рукой.

Я опять послушалась ее и опустилась в мягкое кожаное кресло.

— Слушай, Надя... Тебя ведь Надей зовут? — она вопросительно посмотрела на меня, и в глазах ее не было ни волнения, ни тревоги. Только вопрос.

— Надежда Ивановна, — почему-то представилась я по имени и отчеству и в упор принялась рассматривать женщину, которую считала своим врагом.

Она была высокой и стройной. Черный облегающий свитер и узкие джинсы подчеркивали ее великолепную фигуру. С первого взгляда я не могла определить красива она или нет. Да,

красавицей ее назвать, пожалуй, было нельзя. Но необыкновенно хороши были умные карие глаза. Нос был несколько великоват и рот небольшой. Но посадка головы была гордой, а стать царственной. Она не была высокомерной, как могло показаться на первый взгляд, просто у нее был характер и это чувствовалось за версту.

— Хорошо, Надя, посиди минутку одна. Я сейчас вернусь.

Она неторопливо вышла, а я осмотрелась еще раз. Красивая удобная мебель, на стене большая «плазма», а под ногами пакистанский ковер ручной работы. Да, надо признать, эта женщина бедной не была.

Через некоторое время она вернулась с подносом в руках. Бутылка белого сухого вина, маленькие бутерброды и конфеты в хрустальной вазочке быстро переключались на журнальный столик. Затем она достала из красивой дубовой «горки» два фужера богемского стекла и, поставив их на стол, сказала:

— Я думаю, что нам есть, о чем поговорить. Но сначала давай выпьем за знакомство.

Любовница моего мужа неторопливо разлила вино и спокойно посмотрела на меня.

Я до сих пор не понимаю, почему я полностью подчинилась ей тогда. Но желание ругаться с Жанной, так звали любовницу моего мужа, и выяснять отношения вдруг куда-то испарилось. И я словно замороженная делала все, чего хотела она, не испытывая к ней при этом ни ненависти, ни злости. У меня было впечатление, что я пришла в гости к подруге, с которой давно не виделась и по которой очень скучала.

Я выпила немного вина и слегка расслабилась. Хозяйка придвинула поближе ко мне вазочку с конфетами. Я взяла одну и развернула яркий фантик. Затем положила в рот лакомство и почувствовала изумительный вкус дорогого швейцарского шоколада.

После некоторого молчания я все же решила взять инициативу в свои руки:

— Жанна, я хочу, чтобы ты оставила моего мужа в покое, — отчеканила я, но прежнее волнение опять накатило на меня, и я принялась нервно скатывать фольгу от конфеты в шарик.

Жанна холодно взглянула на меня.

— А я не держу Судакова. Забирай его, если сможешь.

— Что? — я ожидала от соперницы всего чего угодно, только не этого.

— То, что слышала, — в голосе Жанны зазвучали стальные нотки. — Я не собираюсь уводить твоего мужа. Я не хочу разрушать вашу семью, и он знает об этом. Он знает так же и то, что я не люблю его и никогда полюбить не смогу.

Она взяла тонкую ментоловую сигаретку и с видимым удовольствием закурила.

— Так почему ты встречаешься с ним? Что тебе от него надо?

Я совсем растерялась и уже ничего не понимала.

— Он красивый мужчина и очень умный человек. С ним интересно и не скучно. Он милый собеседник и в постели неплох... — Жанна немного помолчала и добавила: — Он нравится мне, но не настолько, чтобы строить с ним жизнь.

Моя соперница говорила спокойно и в ее глазах уже не было холодности. Она просто делилась со мной своими мыслями, совершенно не думая о том, что перед ней сейчас сижу я — его жена, которая так долго сгорала от ревности! Если бы она могла знать, сколько ночей я не спала, обдумывая сложившуюся ситуацию. Сколько раз я хотела поговорить об этом с мужем и все не решалась! Разве она может понять, как я люблю его и боюсь потерять? За все восемь лет нашей совместной жизни, мы с ним ни разу не поссорились. Просто...просто для этого не было причин. Я уверена, что он тоже любит меня. И Жанна — лишь временное увлечение мужа. Но страх того, что это увлечение перерастет в нечто большее и привел меня сюда, в дом соперницы. Я видела, как с каждым днем он все больше и больше очаровывается ею, и когда он начал во сне произносить ее имя, я и решилась на этот визит.

— Не понимаю... — я растерянно посмотрела на Жанну.

— А что тут понимать? — Жанна разлила вино и взяла свой бокал. Она вертела в ладонях хрупкий бокал и внимательно смотрела на меня. — Он влюбился. Это я знаю точно. И мне это льстит,

но пойми, со мной он находит то, чего нет в тебе.

— И чего это, интересно, во мне нет такого, что есть у тебя? — я залпом осушила свой бокал и со злостью уставилась на соперницу.

— Новизны, — Жанна мягко улыбнулась, совершенно не реагируя на мой выпад. От улыбки ее лицо стало необыкновенно привлекательным. Щеки покрылись легким румянцем. И тут я поняла, что за ее внешним спокойствием скрывается страстная и необузданная натура. Просто она великолепно умела владеть собой. Не то что я.

— Ну, какой такой новизны ему захотелось? Мы вместе живем уже давно. И притерлись друг к другу, притерпелись. Мы никогда не ссоримся, и я ухаживаю за ним, как за ребенком. Все лучшее ему...

— Вот ты и ответила на свой вопрос сама, — с чувством произнесла Жанна и слегка наклонилась вперед. — Именно потому, что ты носишься с ним, как с писаной торбой и исполняешь каждое его желание, он и стал искать нечто другое на стороне. Он хотел сам носиться с кем-то, заботиться о другом человеке с нежностью. Он хотел почувствовать себя мужчиной, который может все!

И он хотел всего добиваться сам. Ему наскучила пресная, без ярких эмоций жизнь.

— Но я никогда не запрещала ему делать то, что он захочет. Я не запрещала ему заботиться обо мне! — горячо воскликнула я.

— Может быть, — Жанна расслабленно откинулась на спинку кресла. — Но делала ты это так, что он устал от твоей чрезмерной заботы и постоянной опеки. Ты делала все слишком, не думая о том, что это может быть навязчивым и может быстро надоест. Я же даю ему возможность быть мужчиной, разрешаю любить себя и добиваться моей любви. А это подогревает его интерес ко мне и желание быть рядом со мной, заботиться обо мне и решать мои проблемы.

— Так что же мне делать? — мои глаза наполнились слезами, и я испугалась, что сейчас потечет тушь. Я принялась искать в сумке носовой платок.

— Может хочешь лицо помыть? — участливо поинтересовалась хозяйка и затушила сигарету в хрустальной пепельнице.

Я мотнула головой и приложила платочек к

глазам.

— Слушай, Надя, а почему у вас нет детей? — Жанна резко сменила тему разговора и этот вопрос соперницы застал меня врасплох.

— Что?

— Почему у вас нет детей? — настойчиво переспросила Жанна.

— Понимаешь, я лечилась долго, — сказала я всхлипывая. — Врачи говорят, что дети должны у нас родиться. Мы не предохраняемся, но...

— А он проверялся?

— Нет, а что?

— А если все дело в нем? Если он не может иметь детей? — в голосе Жанны слышалась настойчивость, и я не понимала, к чему она клонит.

— Нет, это невозможно... мы никогда не ставили под сомнение его здоровье. И как мне сказать ему, что проблема может быть в нем?

— А ты и не говори.

Я удивленно уставилась на любовницу мужа.

— Ты не говори с ним на эту тему, — умные глаза соперницы смотрели на меня с сочувствием и доброжелательностью.

Я уже окончательно была сбита с толку.

— Ты заведи себе любовника, да и роди от него. Только Сергею не признайся в том, что сделала.

— Но как же так? Я не смогу обмануть его. Это будет низко и подло с моей стороны! — от охватившего меня негодования я начала задыхаться.

— Ну и дура! — всплеснула руками Жанна. — Ты хочешь сохранить семью и мужа? Хочешь? — Глаза Жанны заблестели, и она впервые за весь вечер выказала признаки волнения.

— Хочу, — обреченно согласилась я, и слезы опять полились из моих глаз.

— Так вот, ты родишь ребенка и всю свою материнскую любовь будешь отдавать сыну. Или

дочери... сейчас это не важно. И освободишь Сергея от своей неумемной опеки. Ты дашь ему свободу. Свободу любить и тебя, и ребенка. И позволишь ему вести себя по-мужски, заботиться о вас двоих и делать для вас все, что положено делать нормальному здоровому мужику.

Я была потрясена. Я не ожидала такого поворота. Я никогда не думала так.

— И еще, — твердо произнесла Жанна, — приведи себя в порядок. Волосы перекрась в другой цвет, что ли... Прическу измени. И помада эта тебе совершенно не идет. Купи себе пару новых костюмов. И не темных. Темный цвет старит. Ты, милая, выглядишь, как старуха! Ты же хорошо сложена, так покажи свою фигуру. Он еще гордиться тобой будет и хвастаться всем, какая у него необыкновенная и красивая жена.

Ну это же надо? Любовница моего мужа учит меня жить! Расскажи кому — не поверит! Я поморщилась. Нет, ее советы мне не нужны. И почему, собственно, я должна ей верить? Она мой враг и моя соперница. Но где-то в глубине души я понимала, что Жанна во многом права.

— А как же ты? — неожиданно для себя

спросила я.

Жанна, запрокинув голову, весело рассмеялась:

— Ну ты и даешь, Надежда!

Потом, отсмеявшись, она вдруг стала очень серьезной и глаза ее вмиг помрачнели.

Жанна вновь разлила остатки вина по бокалам.

— Знаешь, — задумчиво произнесла она, глядя куда-то мимо меня, — я уже очень давно люблю одного человека, но он далеко от меня. Когда-то в юности счастливей меня женщины не было на свете. Я влюбилась безумно и страстно с первого взгляда. Потом он уехал учиться. И на втором курсе университета женился. — Жанна погрузилась в воспоминания и, казалось, не видит никого и ничего вокруг. — Когда я узнала об этом, у меня появилась ранняя седина. Я подкрашиваю волосы уже давно, — любовница моего мужа повела рукой по гладким блестящим волосам, туго собранным на затылке цветной резинкой.

— Он любил ее? — робко спросила я. — Ну,

ту женщину, на которой женился?

— Не знаю, что это было тогда у него... Любовь или просто секс. Но она забеременела, и они поженились. У них очаровательная дочь растет. Я тоже тогда была в положении. Он спал и с ней, и со мной, когда приезжал ко мне.

— А что стало с твоим ребенком? — осторожно спросила я и почувствовала, как волна жалости к Жанне накатила на меня. В этот момент я хорошо понимала, что чувствует сейчас эта необыкновенная женщина, в которую влюбился мой муж.

— Я сделала свой первый и единственный аборт. И теперь я никогда не смогу иметь детей, — в голосе Жанны было столько тоски и печали, что мое сердце сжалось в комок.

Затем моя соперница передернула плечами, словно сбрасывая с себя не прошенные воспоминания, вернула своему лицу прежнее спокойное выражение и как-то равнодушно произнесла:

— Так что, как видишь, Надежда, тебе не стоит меня бояться. Я тебе не враг. И теперь только

ты сама можешь исправить все в своей жизни. И вернуть себе мужа ты сможешь легко, если, конечно, захочешь и очень сильно постараться.

Жанна взглянула на меня и улыбнулась.

— А ты не будешь больше встречаться с ним? — спросила я с надеждой.

— Посмотрим, — неопределенно ответила Жанна. — Этого я обещать тебе не буду. Жизнь сама все расставит по своим местам.

Когда я покинула квартиру своей соперницы и вышла на улицу, на город уже опустился вечер. Было очень тепло. Легкий июльский ветерок обдувал мое разгоряченное лицо. Несколько минут я постояла на крыльце дома моей соперницы, глубоко вдыхая свежий воздух. Мне надо было о многом подумать, и я решила прогуляться до своего дома пешком. Я медленно шла по бульвару и думала о том, что мне понравилась любовница моего мужа. Еще я думала и о том, что при других обстоятельствах я бы с ней непременно подружилась. И я поняла, что нашел в этой женщине мой муж. Безусловно, она была умна и красива, и в ней было столько шарма, что в нем можно было утонуть. Но она просто жила и не

требовала от жизни ничего. Она жила одним днем и наслаждалась тем, что этот день приносит ей. Она плыла по течению жизни и принимала жизнь такой, какая есть.

Была ли она счастлива? Не знаю. Однако знаю точно одно, она тоже заслуживает счастья, как и я, как и другие женщины. И много ли нам, женщинам, надо? Чтобы мы любили и были любимы сами.

Прошло два года. В один из погожих осенних дней мы с мужем прогуливались по парку. Он катил коляску, в которой сладко спал наш сын. Мой муж был горд и счастлив, как счастлива была и я.

Вдруг Сережка устремил свой взгляд на пару, которая двигалась нам навстречу.

Это была она. Жанна. Она шла под руку с высоким красивым мужчиной. Он что-то говорил ей, а она задумчиво улыбалась. Каким-то женским чутьем я поняла, что это и есть единственный мужчина ее жизни. Любовник, с которым она не будет вместе никогда. Как долго они будут встречаться тайком от всех? Этого мне знать было не дано.

Мы разминулись не здороваясь. Только я

почувствовала, как затаил дыхание и напрягся мой Сережа. А потом он заглянул в мои глаза и виновато улыбнулся.

Ирония судьбы

1

Сегодня тридцатое декабря, и мы с девчонками идем в баню. Мы ходим в баню в конце года, как герои известного фильма «Ирония судьбы или с легким паром». Каждый Новый год мы вынуждены смотреть этот фильм, который давно всем набил оскомину. Но традиция есть традиция. И ничего с этим не поделаешь. Нашей традиции уже лет двадцать. Еще молоденькими студентками мы впервые вкусили прелестей парилки и холодного бассейна. Надо сказать, что и тогда, и сейчас к этому дню мы готовимся очень тщательно. Мы заранее выбираем гели, кремы и травяные настои для парилки. И чем старше мы становимся, тем дороже и изысканнее становятся наши настои, кремы и гели, полотенца и банные халаты.

Признаюсь, не забываем мы и о пиве, как мужики из той популярной киноленты. Но мы никогда не злоупотребляем этим напитком, так как следим за фигурой. Пиво, как известно, напиток

весьма калорийный и способствует росту организма вширь. Только в самые тяжелые периоды нашей жизни, мы позволяем себе выпить немножко больше, чем полагается умным и красивым женщинам. Мы неплохо обеспечены, поэтому иной раз на столике в комнате отдыха появляется и коньячок. Но сей благородный напиток мы вкушаем по особенно выдающимся поводам.

Так сложилось, что после института мы распределились в один город. В один год вышли замуж. И детей рожали практически одновременно. Мы вместе выросли, расцвели и теперь понимаем, что и стариться начинаем вместе.

Нас, задушевных подружек, четверо. Кто-то сомневается в том, что женская дружба может быть столь преданной и такой продолжительной. Однако это так. И поверьте мне на слово, наши отношения были даже не столько дружескими, сколько сестринскими. Не было ни одного события в жизни, которое прошло бы незамеченным или не было обсуждено нами. Были, конечно, у каждой из нас и свои маленькие секреты. Однако все тайное вскоре становилось явным. Я имею в виду симпатии на стороне, которые появлялись иногда у кого-то из нас. Обсудив и это, мы были уверены, что факт легкого флирта или чего-то более серьезного,

навсегда останется в нашей маленькой компании.

Теперь давайте познакомимся.

Я Иоланта. Родители назвали меня в честь героини оперы П.И. Чайковского. Мой отец известный трубач. Талантливый и неординарный человек. Мама — экскурсовод. Когда-то она мечтала стать археологом. Но детей в семье родилось трое, и мама долгое время была занята нашим воспитанием. Только к сорока годам она нашла себе занятие по душе и полюбила его. Мама всегда и все делала с любовью. Может быть поэтому все по жизни ей удавалось легко, и она во всех своих делах добивалась успеха. Именно благодаря маме наша семья была необычайно крепкой и счастливой.

Я росла в чудесной обстановке тепла и уюта. Такой же семьи я хотела и для себя. Я хотела выйти замуж за человека, который бы любил меня и чутко заботился обо мне. И я хотела родить троих детей. Не меньше.

Валюша Авраменко. Среднего роста пухленькая брюнетка. В нашей компании она самая веселая и жизнерадостная. Хохотушка редкая. Ее звонкий заразительный смех и умение поднять

настроение частенько спасали нас в минуты уныния или отчаяния. Ее муж владелец туристической фирмы. И если мы с девчонками хотим отдохнуть от повседневных забот и жизненной круговерти, он всегда предлагает нам какой-нибудь интересный тур. И хоть на недельку, мы отправляемся в путешествие. Поездом ли, автобусом ли, нам все равно. Главное — сменить обстановку и развеяться.

Маринка Шереметьева самая красивая из нас. Высокая, стройная и холеная женщина. На первый взгляд она кажется высокомерной. Но это далеко не так. Она добрая и отзывчивая. В любое время суток ее можно позвать на помощь. И Маринка сделает все, что будет в ее силах. Она никогда не считается ни со своим временем, ни с деньгами. И она умеет слушать как никто. Марина — домохозяйка. Она и работала-то всего два года, когда окончила институт, но вышла замуж и после рождения сына решила, что от нее больше пользы будет дома. Ее муж был с ней согласен и даже радовался тому, что Марина сможет больше времени проводить с ним и сыном. Он хорошо зарабатывал. В смутные времена перемен он занялся бизнесом и преуспел.

И наконец, Вероника Викентьева. Мы зовем ее Адамовна, по отчеству. Она наша умница. Окончив институт вместе с нами, Вероника

получила еще и педагогическое образование. Наша Адамовна доросла до директора школы, и мы все очень гордимся ею. Муж Вероники Валентин Анатольевич — дирижер симфонического оркестра. Строгий, высокий и элегантный мужчина. Он с большим уважением относится к жене и прислушивается к ее советам. Адамовна довольно полная женщина и постоянно истязает себя какими-то диетами, то на одной диете посидит, то на другой. Хотя Валентин и подсмеивается над желанием жены похудеть, однако и сам иногда подсовывает ей рецепт какого-нибудь низкокалорийного блюда. При этом он всегда приговаривает, что любит свою Веру такой, какая она есть.

— Девочки, вот скажите мне, когда наступит зима? — Адамовна сняла свою дорожную дубленку и аккуратно повесила на вешалку. — Уже конец декабря, а снега — кот наплакал. Если бы не баня сегодня, я, наверное, так и не надела бы свою новую дубленку. И никто бы не увидел, какая я в ней красавица.

— Верочка, ты у нас и без своей дубленки хороша, — искренне сделала комплемент подруге Марина. Она осторожно распаковывала свою сумку: — Дамы, посмотрите, мне мой Сергей

привез какой-то новый крем для тела. Немецкий. Кожа после него должна быть, как у младенца — гладкая и мягкая.

— На ком будем испытывать? — спросила я, вытаскивая полотенце из необъятной спортивной сумки.

— Конечно же на тебе! — воскликнула Валюшка и как-то загадочно улыбнулась.

— Почему это на мне? — поинтересовалась я, сооротив удивленную мину.

— Потому что у тебя глаза блестят. Я этот блеск хорошо знаю. У тебя всегда так глаза блестят, когда ты влюблена. Я хорошо помню тот день, когда Сашка сделал тебе предложение. Выражение твоих глаз было точно таким же. Но влюбиться в мужа второй раз ты не могла. Отсюда я делаю вывод: у тебя кто-то появился. А значит и тело твое требует сейчас особенно тщательного ухода. Ты должна сверкать и благоухать, чтобы еще больше покорить своего нового поклонника.

— Да, Валюша, от тебя ничего не скроешь, — неохотно согласилась я и оглядела девчонок, которые вооружившись мочалками уже ожидали

меня у выхода из раздевалки.

— Девочки, пойдете уже мыться, — Адамовна поманила нас рукой и первой двинулась к душевой. Там она быстро открыла кран и встала под обжигающую горячую струю воды. Мы гуськом потянулись за ней.

— Ланочка, не обижайся, но я тоже знаю, что у тебя появилась симпатия, — Маринка неторопливо наносила гель на свое красивое стройное тело. — Звоню я тебе вчера вечером. Сашка твой трубку поднимает. Я спрашиваю, где ты. Он отвечает, что на работе. Какая такая работа у тебя, дорогая подруга, в девять часов вечера?

— Совещание затянулось, — почему-то начала оправдываться я.

— Зелинская, брось завирать, — продолжала подруга, смывая с себя ароматный гель. — Знаю я такие совещания. Тогда я спрашиваю у твоего мужа: «А ты, Саша, чем занимаешься?». «Пирожки с капустой делаю, — отвечает. — Ланочка придет уставшая, вот я ее и побалую пирожками». Вкусные хоть были пирожки?

— Восхитительные! Считайте, девочки, что

вам повезло. Сашка пирожков наделал много, так я сегодня прихватила и для вас. Попробуете.

— Прекрасно. Только я буду смотреть, как вы будете пирожки эти трескать, — огорченная Адамовна уже направлялась в парилку. — Мне эти вкуснятины строго противопоказаны.

— Ничего с тобой от одного пирожка не случится. Один можно, — милостиво разрешила Валюша.

— Саша прекрасно готовит. Когда только успевает? — Маринка удобно расположилась на полке парной.

— Кухня — это его хобби. Он отдыхает, когда что-нибудь готовит. А мне еще и лучше. Все меньше у плиты стоять. Ромка мой особенно его стряпню любит. Ну что, добавить жару?

— Давай, — согласились в один голос девчонки.

Какое-то время мы молчали, наслаждаясь сухим горячим паром. Первой не выдержала Адамовна и задала вопрос, который у всех вертелся на языке:

— Так кто же он?

Девочки заинтересованно посмотрели на меня, а Маринка томно произнесла:

— Не тяни, Ланочка...

— Он... просто, симпатичный мальчик, — небрежно бросила я и, прикрыв глаза, мысленно представила весьма симпатичного молодого человека.

— Так он моложе тебя? — Валюшка удивленно приподняла брови и поправила на голове шапочку с полями.

— Да. И намного.

— Намного? Это насколько же? — не унималась Валюша.

— На шесть лет, — ответила я, стараясь сохранить в голосе безразличные нотки.

— Ого! — воскликнула Маринка.

— Ой, девочки, несерьезно это! — сделала свой вывод Вера и расслабленно улеглась на полке

парной.

— Как сказать, — тихо сказала я, открыла глаза и посмотрела на девчонок.

Подруги переглянулись.

— Не хочешь же ты сказать, дорогая, что на самом деле влюбилась? — строгой Адамовне было невдомек, как можно в нашем возрасте влюбиться в мальчишку. И как ей объяснить, что я и сама не ожидала, что случайное знакомство может обернуться для меня подобным образом.

Честно признаюсь, я этого не хотела. Я очень счастлива в браке. Мой муж замечательный человек. Сашенька очень предан семье. Когда я с ним познакомилась, то сразу почувствовала: вот тот, кто мне нужен. Саша умен и красив. Он добрый и очень порядочный человек. Я всегда говорила подругам, что хочу выйти замуж так, чтобы не я с кем-то нянчилась, но, чтобы нянчились со мной. Так и было в нашей семье. Я и мои желания всегда были на первом месте. Как я смогла добиться этого? Не знаю. Но я была окружена такой любовью и заботой, что многие женщины могли бы мне позавидовать.

Мой Саша свою карьеру начинал в комсомоле. А в самом начале девяностых создал свое предприятие. Он был очень честным человеком. Но иногда мне казалось, что, занимаясь бизнесом нельзя быть таким порядочным. Может быть, поэтому не все в работе мужа ладилось. Бывало, что и обманывали его, и деньги он терял. Но всякий раз, он выходил из трудных ситуаций с честью, не опускаясь до банальных разборок. Честно говоря, я не особенно вникала в его трудности. Да и он сам постоянно твердил мне: «Ну, зачем тебе, моя девочка, знать, как я зарабатываю деньги? И ты, дорогая, и дети ни в чем не нуждаетесь. Для меня же главное в жизни то, что у меня есть вы. И я очень люблю вас. А все остальное предоставь мне».

Я и не настаивала на том, чтобы все знать. Меньше знаешь — лучше спишь. У меня и на своей работе порой случались неприятности, так зачем мне было прибавлять еще и чужие?

Я вам, наверное, еще не говорила, что у меня двое замечательных детей. Моя старшая дочь Наташенька уже выпускница. Мы с мужем уверены, что в конце учебного года она порадует нас золотой медалью. Девочка наша мечтает об университете. Ромка, младший сын, очень похож на

отца. Он очень красивый мальчик. И такой же, как отец обстоятельный и трудолюбивый. Мне бы хотелось, чтобы Ромка лучше учился. Но науки — не его призвание. Однако мы с мужем очень рады тому, что растим хорошего человека. И это, согласитесь, немало.

Все было хорошо до того момента, когда Вадик появился в моем офисе. Я забыла вам сказать, что работаю начальником отдела маркетинга в довольно крупной кампании. Так вот, в тот день Вадик привез на подпись новый договор. Он менеджер фирмы, с которой мы уже давно сотрудничаем.

Этот славный мальчик мне сразу не очень понравился. Какой-то он был серьезный и деловой. Говорил скупно и даже от предложенного кофе отказался. Ну и ладно. В моем кабинете много всяких посетителей бывает, и я всегда предлагаю им кофе или чай. И Вадик вправе был отказаться. Но на завтра он появился в нашем офисе вновь. На сей раз, он пришел с банкой чудесного итальянского кофе «Лаватца».

— Иоланта, а теперь позвольте и мне предложить вам кофе. Я уверен, что он вам понравится, — немного высокопарно произнес он,

и я не стала спорить с этим напыщенным юнцом.

Я включила чайник и пока он закипал, мы немного поболтали о чем-то незначительном. Мальчик оказался не таким уж и букой, каким я увидела его накануне. Приятный и милый собеседник. Очень обаятельный. И не робкого десятка.

Свежесваренный кофе заполнил ароматом кабинет. Мы с удовольствием смаковали чудесный напиток, и я чувствовала, что мальчик немного напряжен, но понять причину его скованности не могла.

Примерно через час очаровательный молодой человек отправился по своим делам, а я еще долго вдыхала приятный запах «Лаватцы».

На следующий день посыльный принес мне букет огромных хризантем. В нем я нашла маленькую открытку, в которой было написано всего три слова: «Вы мне нравитесь».

Ну скажите на милость, какой женщине не понравится подобный знак внимания?

А потом мы встретились и долго бродили по

вечернему городу. Иногда заходили в приглянувшееся кафе. То кофе выпьем, непременно «Лваццу», то бокальчик вина пропустим.

Затем эти вечерние прогулки участились.

Что я испытывала тогда? Радость жизни и новизну ощущений. Я была счастлива.

2

Девочки внимательно слушали мой рассказ. Теперь мы сидели в комнате отдыха и неторопливо попивали «Балтику».

— Ну, а что же Сашка? Он ни о чем не догадывался? — Адамовна с удовольствием уплетала уже третий пирожок с капустой.

— В самом начале моего романа нет. Но спустя некоторое время он как-то внимательно начал поглядывать на меня, словно хотел задать какой-то вопрос и не решался.

— И что потом? — нетерпеливо поерзала Валюшка и сделала очередной глоток холодного пива. — Ты изменила Саше?

— Нет.

— Правда нет? — недоверчиво спросила Марина.

— Ну я же не совсем с ума сошла, чтобы изменить человеку, который дал мне в этой жизни все! — горячо воскликнула я. — Я ничего не хочу разрушать. Ухаживания Вадима лишь тешит мое самолюбие. Не более того.

— Ой, подруга, не обманывай ни себя, ни нас. Ты влюбилась по уши! Рано или поздно этот мальчик уложит тебя в постель. Девочки, кто будет пирожок? Пирожок-то последний остался, — Адамовна, не дожидаясь ответа, потянулась за пирожком, который сиротливо лежал на тарелке.

— Кому еще пива? Вера, ты в своем репертуаре, — Валюша укоризненно посмотрела на Адамовну, — от вкуснятины отказаться не можешь. Где твоя сила воли? А потом жалуешься, что толстая. Все Сашкины пирожки уговорила, я даже ни одного не попробовала, — Валюша в очередной раз наполнила наши бокалы. — Ну признайся, Ланочка, если бы случай представился, ты бы не отказалась от секса с молодым и красивым телом? Ну хотя бы ради любопытства?

Я промолчала. Я не знала, как ответить на этот вопрос. Но в глубине души я понимала: не отказалась бы.

— Да и кто бы отказался? — словно услышав мои мысли, мечтательно произнесла Валюша.

— Нет, девочки, это неправильно. Нельзя мужу изменять. Особенно такому, как наш Саша. Это предательство, — Маринка говорила уверенно, голосом, не терпящим возражений. — Я бы никогда не изменила своему Сережке. И мыслей у меня таких никогда не возникало.

— Не думала я, что ты такая праведница, Маня, — слегка приподняла брови Адамовна, а в ее голосе сквозило не скрываемое удивление. — Мне всегда казалось, что ты пользуешься успехом у мужчин. С твоими-то данными любого мужика можно охмурить.

— Да, это правда, — легко согласилась Марина, — но я бы никогда не переступила ту грань, за которой грязь, — твердо сказала красавица и громко поставила пустой бокал на столик.

— Ну почему сразу и грязь? Это не грязь, а

очень даже приятное времяпрепровождение. Помните, Петровича, о котором я вам рассказывала? — непринужденно спросила Адамовна и с легкой улыбкой окинула нас взглядом.

Мы все дружно кивнули головой. Мы очень хорошо помнили историю Адамовны и Павла Петровича, длившуюся почти два года.

— Мы просто отдыхали в обществе друг друга. Мы не строили никаких планов. Поэтому и расстались без истерик, когда время пришло, — с легкой грустью вспомнила Адамовна. — Иногда в жизни надо и праздники иметь. А Паша был именно таким праздником в моей жизни.

— Да, как бы и я хотела еще испытать в своей жизни что-то подобное, — вырвалось у Валюшки. — Все поклонники, которые были у меня до сих пор, не смогли зацепить меня так сильно, как этот Вадик нашу Иоланту. А знаете, девочки, какие наши годы! У нас еще все впереди. За это и выпьем!

Отдохнули мы в бане в тот день, как всегда, прекрасно. В приподнятом настроении я вернулась домой. Дети занимались своими делами. Саша возился на кухне.

— Ну как попарилась? Кушать будешь? — вытирая руки кухонным полотенцем, поинтересовался муж. Затем он подошел ко мне и нежно поцеловал в щеку.

— Нет, Сашенька, я не голодна. А вот чаю выпью с удовольствием. И попарились мы отлично.

Я присела за кухонный стол и расслабленно откинулась на спинку стула. Саша подал мне чашку с ароматным чаем.

— Рома, Ната, идемте чай пить, — позвал муж детей, но наши отпрыски были заняты и составить нам компанию не пожелали.

Саша присел напротив меня.

— Ты какой-то бледный сегодня, Сашенька. Ты хорошо себя чувствуешь? — я внимательно всматривалась на слегка осунувшееся лицо мужа.

— Хорошо, Ланочка, не беспокойся, — беззаботно ответил муж и налил себе чаю в большую белую чашку с нарисованной забавной рожицей.

— Как вкусно ты завариваешь чай, — сказала я и с наслаждением сделала глоток. — Ты, наверное, сегодня мяту добавил?

Но Саша не ответил на мой вопрос. Он несколько минут молчал, размешивая сахар в чашке, а затем тихо произнес:

— Ланочка, я давно хочу тебя спросить...

Я заглянула мужу в глаза и прочла в них плохо скрываемую тревогу.

— Саша, ты чем-то обеспокоен? — я отвела взгляд и потянулась к вазочке с печеньем.

— Лана, у нас все хорошо? — так же тихо поинтересовался он.

Я растерялась. Вот и тот вопрос, которого я ждала и надеялась, что никогда его не услышу.

— Сашенька, у нас все не просто хорошо, а отлично, — фальшиво ответила я.

— Я чувствую, что с тобой в последнее время что-то происходит. Я думаю... — муж пристально посмотрел на меня, вздохнул и, собравшись с

духом, все же продолжил: — Я думаю, что ты влюбилась. Мне кажется, что у тебя кто-то появился. Если это так, то скажи об этом сейчас. Я не хочу жить с мыслью о том, что ты мне изменяешь. Если ты захочешь уйти из семьи, я должен узнать об этом первым. Я пойму. Но прежде чем сделать этот шаг, пожалуйста, хорошенько подумай, — Саша старался говорить спокойно, но я видела, как нелегко дается ему это спокойствие.

— Сашенька, что ты себе насочинял? У меня нет никого и уходить от вас я никуда не собираюсь. Я люблю тебя и детей. И никто другой кроме тебя мне не нужен, — я старалась говорить, как можно убедительней, но чувствовала, что муж не верит мне. Тогда я встала и подошла к Саше, примостилась у него на коленях и поцеловала.

— Глупенький, я люблю только тебя. И дороже тебя у меня никого нет. Выброси дурные мысли из головы. Успокойся.

Я нежно погладила темные волосы мужа. У него уже появилась седина и наметились залысины. Морщинки на лице стали глубже. Но по-прежнему были красивы его карие глаза, из которых постепенно уходила незваная тревога. В эту минуту любовь к мужу переполняла меня. Да, я любила его.

И в глубине души знала, что никогда его не оставлю.

Этот Новый год мы встретили очень весело. Гостей в нашем доме было много. Подруги пришли с мужьями и детьми. И соседи, Винниковы, завалились всем семейством. Стол ломился от деликатесов. Маринка и Адамовна, великолепные кулинарки, принесли свои фирменные блюда. Адамовна запекла окорочок в пиве, а Маринка приготовила утку с черносливом. Больше всех поразила нас Валюшка. Она испекла «Муравейник». Она всем хвасталась, что впервые в жизни сделала такой замечательный торт. Мой Саша тоже был на высоте. Его блинчики с мясом таяли во рту. А плов с изюмом вызвал всеобщее восхищение. Мы все были щедры на комплементы, и мой муж был рад, как ребенок, что его труды были оценены столь высоко.

Под бой курантов мы желали друг другу счастья и долгих лет жизни. Только меня постоянно что-то тревожило. Потом появилось чувство какой-то нереальности происходящего. Слишком уж все было хорошо! Может быть это было предчувствие грядущих перемен? Не знаю. Но в ту новогоднюю ночь я старалась веселиться изо всех сил и радоваться всему тому, что имею в данную

минуту. Словно эти счастливые и беззаботные часы были последними в моей жизни.

3

Давно известно, что беда всегда приходит неожиданно. В мой дом она ворвалась тогда, когда я была к ней совершенно не готова. Более того, я была на десятом небе от счастья.

Этот март я запомню на всю оставшуюся жизнь. И этот мартовский день. Седьмое марта.

Как принято у нас, весенний женский праздник всегда отмечается с размахом. О какой-то работе в этот день говорить не приходится. С самого утра раздаются звонки с поздравлениями, и, как правило, после обеда в офисах накрываются столы.

Первые весенние тюльпаны и веточки мимозы уже стояли в красивой вазе на подоконнике моего кабинета. В приоткрытую дверь постучали. На пороге я увидела улыбающегося Вадика. В правой руке у него был очаровательный букет нежных фиалок, которые я так любила. А в левой, мальчик держал коробку шоколадных конфет.

— Ланочка, поздравляю тебя с праздником, — Вадик прошел в кабинет, вручил подарок и галантно поцеловал мою руку.

— Спасибо, — счастливо улыбнулась я.

— Давай встретимся сегодня вечером, — без лишних предисловий предложил Вадим.

— Нет, сегодня не получится. У нас тут намечается небольшое застолье. А вечером дома меня будут ждать муж и дети. Они тоже хотят меня поздравить сегодня.

— Но твоя семья может сделать это и завтра, — разочаровано произнес Вадим, — а на банкет ты можешь просто не пойти. Зато мы проведем вечер вместе, — теперь в его голосе я услышала мольбу.

Да, скажу честно, соблазн был велик. Но я не знала, как быть и какое принять решение. Мне хотелось и с коллегами повеселиться, и с Вадиком прогуляться, да и дома было бы совсем неплохо праздник отметить.

— Хорошо, — отбросив все сомнения, согласилась я, — заходи за мной часов в восемь. Я

постараюсь освободиться к этому времени.

Довольный Вадим поцеловал меня в щеку и быстро покинул кабинет, словно боялся, что я передумаю.

Около восьми, когда мои коллеги уже были слегка навеселе и заняты легким флиртом или танцами, я незаметно улизнула из конференц-зала, где еще днем был накрыт праздничный стол. Признаюсь, что я тоже была уже немного пьяна. Это обстоятельство и потянуло меня на подвиги. Я не заметила, как оказалась в квартире Вадика, а потом и в его постели.

Я слышала, как в моей сумочке непрерывно звонит мобильный телефон, но ответить на звонки не имела никакой возможности. Я была занята. Я наслаждалась милым мальчиком и охватившей меня страстью. А та чувственная любовь, которую дарил мне мой молодой любовник, заставляла забывать о времени.

Телефон все звонил, а я все не могла вынырнуть из этого сладкого забытья. Неожиданно телефонные звонки прекратились, но спустя некоторое время возобновились вновь.

— Кто-то из твоих поклонников рвется тебя поздравить с праздником, — прокомментировал Вадик, нежно обнимая меня.

— Может быть, — лениво ответила я, — у них завтра будет возможность сделать это. Который час?

— Половина двенадцатого.

— Ого! Мне пора! — вскричала я, резко вскочила с постели и принялась торопливо одеваться.

— Побудь со мной еще немного, — Вадик попытался удержать меня за руку.

— Нет, нет, прости, мне пора. Поздно уже... не провожай меня.

Я вышла в ночь. На улице было холодно, и я подняла воротник пальто, чтобы как-то укрыться от порывов ветра. Вскоре вновь весьма настойчиво зазвонил телефон. Я порылась в недрах своей сумки и выудила миниатюрную трубку.

— Я слушаю.

— Мамочка, где ты пропадаешь? Я целый вечер не могу до тебя дозвониться! — Странный всхлипывающий голос дочери неожиданно вызывал у меня необъяснимую тревогу.

— Что случилось?

— Папочка в больнице, — заплакала в трубку дочь.

— Как в больнице? — теперь я была уже не просто встревожена, я была в панике. Руки и ноги задрожали так, что я остановилась, не в силах идти дальше. — Что с папой? Ты где?

— Папу забрала скорая помощь. Он без сознания. Мы в городской больнице. Приезжай сюда скорее! Мы с Ромкой в приемнике.

— Я сейчас буду.

Я собрала себя в кулак и бросилась к остановке такси. Счастливые и веселые люди возвращались со своих банкетов и из гостей. В руках женщин были цветы и подарки. Мужчины что-то говорили своим спутницам, а те радостно смеялись в ответ. Но отныне я не принадлежала к их числу. Беззаботному и жизнерадостному.

Такси на стоянке не было, зато стояла огромная очередь, ожидающая очередной машины.

Я понимала, что застряну здесь надолго. И тогда я побежала. Я бежала и иногда останавливалась на секунду, чтобы перехватить воздуха, которого в легких уже не оставалось совсем. Я бежала и только одна мысль стучала в висках: «Только бы он был жив! Только бы он был жив!». Затем я стала произносить эти слова вслух, как заклинание. Словно кто-то должен был услышать их и сделать так, чтобы непоправимая беда обошла меня стороной.

Я ворвалась в холл больницы. Заплаканные дети робко сидели на стульях у стены, выкрашенной в безобразный синий цвет. Они держались за руки и тревожно смотрели на дверь. Когда сын и дочь увидели меня, они бросились мне навстречу.

— Мамочка, папа ведь не умрет? Ведь, правда? — Наташа подняла на меня заплаканные глаза, полные страха.

— Все будет хорошо, не волнуйтесь, — выдохнула я и обняла детей.

Так втроем, обнявшись, мы и подошли к стойке, за которой восседала необъятная женщина в белом халате и сбившейся на бок шапочке. Она разговаривала с кем-то по телефону, одновременно перебирая какие-то бумажки, лежащие на столе.

— Женщина, скажите, как Зелинский? — спросила я у дежурной сестры. Но та не удостоила меня ответом. Она продолжала говорить по телефону. Я громче повторила свой вопрос.

— Женщина, не кричите, я вас слышу — толстуха отвела трубку от уха и строго посмотрела на меня. — Сейчас из отделения врач спустится, вот он вам все и расскажет. Подождите. Посидите пока.

Мы присели на старую шатающуюся банкетку, и... потянулись минуты тягостного ожидания. Порой мне казалось, что время остановилось совсем. Сновали какие-то люди. Подъезжали машины скорой помощи, доставляя больных. Заходили и выходили врачи и сестры. Движение было такое, будто сейчас не ночь, а разгар рабочего дня. Но для меня эта картинка была какой-то расплывчатой, смазанной, словно я смотрела старое кино на затертом экране. Звуки

едва проникали в мое сознание.

— Ох уж мне эти праздники! Вечно одно и то же, — жаловалась по телефону все та же медсестра за стойкой. — Больных сегодня тьма. Все везут и везут...

Наконец появился и наш врач. Им оказался высокого роста худощавый молодой человек в очках. Выглядел он уставшим. Увидев меня и детей, доктор отрывисто спросил:

— Вы Зелинская?

— Да.

— Ваш муж пока без сознания. Мы оказываем ему всю необходимую помощь. Скажите, как долго он жалуется на поджелудочную?

— Он никогда и ни на что не жаловался, — дрогнувшим голосом ответила я.

— У него обострение панкреатита. Он получил мощнейший болевой шок, поэтому и потерял сознание. Мы делаем все, что в наших силах, чтобы помочь ему. Возможно, потребуется операция.

Я слушала доктора и не понимала, что речь идет о моем Сашеньке. Это о каком-то другом человеке говорит сейчас этот молодой врач.

— Я думаю, вам и детям следует вернуться домой. А завтра утром звоните, и узнавайте о состоянии мужа. — Доктор снял очки, и устало провел рукой по лицу.

Наконец я решилась задать страшный вопрос:

— Насколько все серьезно?

— Более чем серьезно, — мужчина нацепил очки на нос, печально посмотрел на меня и добавил: — Приходите утром.

А как, скажите мне на милость, дожить до утра?

По дороге домой дети рассказали мне о том, что произошло.

Саша вернулся с работы в отличном настроении и принялся готовить ужин. Он хотел к моему приходу сделать какие-то необычные бутерброды. Но хлеба в доме не оказалось, и муж

отправился в ближайший гастроном. На обратном пути, почти у самого подъезда он упал. Сколько Сашенька пролежал без сознания, я не знаю. На улице было уже темно и проходившие мимо люди брезгливо обходили его стороной. Они думали, что человек, лежащий на земле, просто пьян. Только наш сосед Крашенинников узнал в лежащем мужчине моего мужа. Он и вызвал скорую помощь и потом уж позвонил детям. Дети были страшно напуганы, когда увидели отца, не подающего признаков жизни. Они весь вечер пытались связаться со мной. Но я в это время...

Сейчас я не хотела думать об этом. Сейчас главное, чтобы Сашенька пришел в себя и поправился. Как я буду жить, если его вдруг не станет? Что будет со мной и детьми без него? Кто позаботится о нас?

Я все отчетливее понимала, что именно на моем муже держалась наша семья и наше благополучие. Его любовь и преданность нам создавали в доме атмосферу тепла и защищенности. Мы ничего не боялись в жизни, потому что знали, — Саша придет и все решит. Он защитит нас. Он убережет нас от неприятностей и бед. А если его не станет, я с детьми окажусь один на один с этой непростой жизнью. И сможем ли мы

выстоять перед натиском тех неприятных и страшных сторон жизни, которых мы до сей поры не знали?

4

Вот мы и дома. В квартире тихо и пусто. Я бросила сумку в прихожей и, как была в сапогах и пальто, побрела в спальню. Я прилегла на кровать. Свет фонарей и неоновых вывесок пробивался сквозь шторы. Я провела рукой по той стороне постели, на которой всегда спал Саша. У меня не было слез.

В спальню тихо вошли дети.

— Мамочка, давай-ка я помогу тебе раздеться, — дочь осторожно присела возле меня. — Как ты думаешь, с папой все будет хорошо?

— Конечно, Ната. Даже не сомневайся, — уверенно произнес Рома и примостился рядом с сестрой. — Мама, мы сегодня хотели сделать тебе подарок. Мы с папой...

Сын подал мне какой-то пакет. Но я не в силах была его развернуть.

— Открой, сынок, — очень тихо сказала я.

Роман пошелестел бумагой и подал мне нитку жемчуга. Черного. И тогда я заплакала.

В два часа ночи первой словно тайфун в мою спальню ворвалась Маринка Шереметьева.

— Во-первых — держаться! — возбужденно высказалась подруга. — Во-вторых, скоро девчонки приедут. В-третьих, поднимайся и пошли на кухню. Ты ела что-нибудь?

— Маринка, о какой еде ты говоришь? — вяло спросила я и нехотя поднялась с постели. Потом я начала снимать верхнюю одежду и сбрасывать ее на пол спальни. — Дети, пожалуйста, идите отдыхать, у вас был тяжелый день.

— Тетя Марина, вы останетесь с нами до утра? — с надеждой спросила Наташа у моей подруги. Я почувствовала, что с ее приходом дети начинают понемногу успокаиваться. Марина здесь, а значит она поможет и все будет хорошо.

— Девочка моя, не волнуйся, я буду здесь столько, сколько понадобится. А сейчас идите,

дети, спать. Завтра у вас опять будет непростой день. Спите спокойно и не переживайте, — Маринка поцеловала Наташеньку, нежно обняла Ромку. Она, словно добрая фея, окутывала моих детей лаской и нежностью, вселяя в них уверенность в завтрашнем дне.

У меня же такой уверенности не было. Я по-прежнему пребывала в смертельной тоске и страхе.

Когда я появилась на кухне, Маринка уже по-хозяйски копалась в моем холодильнике. С полка она доставала все то, что приготовил накануне мой Сашенька, а потом из своей большой сумки выудила бутылку «Хеннеси», привезенного ею из Испании.

— Где бокалы твои коньячные? Что-то не нахожу я, — Маринка, приложив руки к бокам, оглядывалась на кухне в поисках бокалов.

— Я не помню. Поставь чашки, — пробормотала я.

В этот момент я действительно не помнила где что стоит.

— Такой коньяк пить из чашек настоящее кощунство. Вот рюмочки стоят. Можно я их возьму?

— Да бери что хочешь, — с трудом отозвалась я, и мне было абсолютно все равно, что пить и что есть. Я думала только об одном. Я думала о Саше и о том, что я натворила.

— Девочек ждать не будем. Давай-ка, подруга, мы с тобой выпьем, — Маринка разлила коньяк. Мне до самого верха, себе совсем чуть-чуть, на доньшке. — Выпей, полегчает, — приказала подруга.

Я выпила залпом. И не почувствовала ни аромата, ни вкуса этого дивного напитка. Но я ощутила, как приятное тепло разливается по моему телу и снимает напряжение.

Вскоре раздался звонок в дверь. Маринка побежала открывать, и я слышала, как девчонки что-то обсуждают в коридоре. Затем моя дорогая троица появилась в кухне. Какие они милые, мои девочки! Как я рада, что они сейчас со мной. Мне стало немного легче. Страх постепенно начал уходить. Я поняла, что я уже не одна со своей бедой, и рядом, как всегда, мои подруги.

— Ну рассказывай, что у вас случилось? Вы уже пьете? Шереметьева, наливай и нам с Адамовной, — скомандовала Валюшка и пристроилась на стульчике рядом со мной.

Мы выпили. Помолчали.

И я рассказала все...

— Ладно, Ланочка, твои амуры мы обсудим потом. А сейчас нам необходимо подумать о том, как мы будем нашего Сашу спасать, — деловым тоном сказала Адамовна, достала из своей сумочки толстый органайзер и начала быстро перелистывать его страницы. — У нас с Валентином есть друг Дима Заславский. Он прекрасный хирург. Я позвоню ему прямо сейчас и попрошу, чтобы он посмотрел Сашу. Завтра, прямо с самого утра. Впрочем, уже сегодня...

— Вера, ночь на дворе. Неудобно беспокоить человека в такой час, — вяло запротестовала я, взглянув на настенные часы.

— Глупости! Он врач. Он давал клятву Гиппократу, — отмахнулась Адамовна и уверенно набрала номер телефона.

Я слушала, как она говорит со своим приятелем. И у меня начала появляться надежда.

— Отлично! — Адамовна отложила органайзер и удовлетворенно добавила: — Митя осмотрит Сашу утром. Но он сказал, что могут потребоваться кое-какие лекарства.

— Нет проблем. Достанем! — уверенно сказала Маринка и потянулась за бутылкой «Хеннеси».

— Но у меня дома мало денег, — робко вставила я.

— И за это не волнуйся, — успокоила меня Шереметьева и разлила коньяк по рюмкам.

Я пила, но не пьянела. Мне хотелось сейчас только одного — уснуть и погрузиться в спасительное забытие с тем, чтобы, проснувшись утром, вернуться в свою прежнюю жизнь, где Саша здоров и ничего страшного не произошло.

— Ланочка, тебе надо взять отпуск. За Сашей потребуются уход. Ты и сама не сможешь в таком состоянии работать.

— Нет, пускай лучше ходит на работу. Ей легче будет.

— Я думаю, что и детей надо пока забрать.

— Ты что? С ума сошла? Дети должны быть рядом с ней. Ей нельзя оставаться одной.

Девчонки вертели ситуацию и так, и этак. А я слушала их и не вмешивалась.

— Д-девочки, п-посмотри-те, уже с-с-светает, — неожиданно выдавила я из себя.

За окном начинался рассвет, туманный, хмурый, не предвещающий ничего хорошего.

— Ты что? Пьяная? Чего это ты заикаешься? — удивилась Адамовна. Девочки тревожно уставились на меня.

Да, с этого самого момента я начала заикаться.

В восемь часов мы позвонили в больницу. Мой муж вышел из комы, но состояние его по-прежнему оставалось очень тяжелым.

Что было потом?

Потом была борьба за жизнь мужа. Он перенес сложнейшую операцию. Лечение его было долгим и трудным.

Как передать ту боль и страдания, которые перенес он? Я болела и страдала вместе с ним. Когда его болезнь осложнилась еще и сахарным диабетом, я думала, что нашим мукам не будет конца. Но врачи, моя и детей любовь, и бесценная помощь подруг сделали свое дело. Сашенька начал поправляться. Тяжелая болезнь и долгое лечение не позволили мужу сохранить бизнес. Он больше не мог работать, как прежде. Финансовое положение нашей семьи пошатнулось.

Ирония судьбы. С того страшного дня все в моей жизни переменялось.

Теперь — я глава нашей семьи. Я даже и не представляла, насколько я сильная женщина. Я думаю, что все эти счастливые годы я копила силы для того, чтобы помочь мужу выжить и жить дальше, и чтобы помочь детям твердо встать на ноги. А еще, чтобы много работать, ведь моя семья ни в чем не должна нуждаться.

А еще, я должна искупить свою вину и выплатить аванс, которым ссужала меня судьба все эти годы. До того рокового дня.

И чем дальше я живу, тем больше понимаю — за все надо платить.

Дурные вести

Почему плохие новости я узнаю первой? И намного раньше своей старшей сестры?

Разница в возрасте у нас не очень большая, всего пять лет. Но так сложилась жизнь, что именно я приношу сестре такие известия, которые в корне меняют всю ее жизнь.

Я счастливая женщина. У меня прекрасный муж и он дает мне такую жизнь, о которой многие женщины могут только мечтать. Мой Слава известный хоккейный тренер и за двадцать лет нашей совместной жизни я достаточно помоталась с ним по городам и странам. Всякое бывало: и дикое безденежье в самом начале его спортивной карьеры, и неустроенный быт на съемных квартирах, и крайне редкие ссоры, непонятно из-за чего. Но у нас было главное — любовь друг к

другу.

Когда я выходила замуж за своего Славу, я не любила его. Любовь пришла позже. Спокойная и надежная. Тогда я почувствовала, что живу, как за каменной и надежной стеной за человеком, который вознес меня на высокий пьедестал. С этого пьедестала я не боялась упасть, потому что чувство защищенности и уверенности в завтрашнем дне всегда подкреплялись его помощью, пониманием, а главное — любовью. И какие бы неприятные сюрпризы порой не преподносила нам жизнь, наши глубокие чувства помогали справляться с ними.

Когда у мужа выдавался отпуск, мы отправлялись путешествовать. Мы открывали для себя новые города и страны. Архитектура городов и история стран, в которых мы бывали нас интересовали более всего. Мы много бродили пешком, рассматривая достопримечательности любого города, в котором находились. Но мы не забывали и отведать местной кухни, когда забредали в какое-нибудь уютное кафе, чтобы отдохнуть и поделиться впечатлениями от увиденного нами за день.

Иногда я возвращалась в отель такой уставшей, что казалось, — завтра никакая сила не заставит меня подняться и вновь отправиться в

путешествие по полюбившемуся городу. Но ранним утром муж открывал шторы и, впуская новый день в номер отеля, весело говорил:

— Девочки, подъем! Пора смотреть красоты. Нам некогда отдыхать. Нас ждет праздник.

И мы с дочерью бежали умываться, собирались в считанные минуты и были готовы отправляться вслед за Славой за новыми удивительными впечатлениями. Надо отдать должное и нашей девочке. В поездках она никогда не капризничала и мужественно переносила наши долгие перелеты, переезды и походы. Так уж она была у нас воспитана. По-спартански. В этих поездках мы с дочерью могли позволить себе все, что хотели и в полной мере наслаждались жизнью, которую давал нам мой муж.

Было у нас с дочерью время и для шопинга. Каждая женщина знает: хочешь получить удовольствие — походи по магазинам. Муж в этих прогулках компанию нам составлял крайне редко. Не любитель он был тряпки покупать. Но когда мы, довольные и счастливые возвращались домой он, удобно усаживаясь в кресле с озорной улыбкой на губах, спрашивал:

— Ну что, девочки, моды?

Это означало, что мы с дочерью обязательно должны были, словно модели на подиуме, продемонстрировать свои покупки. И во время этих показов, мы веселились и смеялись как дети. В эти счастливые моменты я видела в глазах мужа столько любви и нежности к дочери и ко мне, что иногда даже начинала завидовать себе самой. И чем старше становилась наша девочка, тем больше ей нравилась эта игра. Может быть именно с этих шуточных показов у нашей Аннушки и появилась мечта стать моделью.

Однако этот мой рассказ не о моей жизни. Он — о моей сестре.

Надо сказать, что мы были самыми заметными девчонками нашего двора. Высокие и статные, как наша мама, вместе с тем, мы абсолютно не были похожи друг на друга. Оля, сестра, была худенькой и высокой шатенкой с изящными манерами. Несколько нервная и впечатлительная, она порой остро реагировала на неприятности. И было в ней что-то еще, особенное, что привлекало к ней взгляды не только соседских мальчишек и одноклассников, но и ребят постарше. И чем взрослее становилась Оля, тем больше у нее было

поклонников и воздыхателей. Помню, один мальчик даже написал на стене нашего подъезда: «Оля из пятнадцатой квартиры я тебя люблю». Сестра конечно же хорошо знала, кто совершил сей необычный поступок, но никому не говорила о том, кто он и где живет.

Я же, напротив, не была худенькой и, как говорили соседи, была «в теле». И волосы у меня русые, и глаза зеленые. И характер у меня более покладистый и спокойный. И поклонники у меня тоже водились, но их было гораздо меньше, чем у сестры.

И может быть потому, что слишком много у Ольги было кавалеров, ей было трудно сделать выбор на одном единственном мужчине, как сделала это я.

Я и первой вышла замуж. И первой родила дочь.

А потом в жизни сестры появился Павел.

Паша — пилот гражданской авиации. В то время он летал правым летчиком. Командиром лайнера он станет гораздо позже. Пашка был не очень высок и не очень красив. Но был

обаятельным до умопомрачения. Поговаривали, что и «ходок» еще тот. Но сестра увлеклась Владимировым не на шутку. Я довольно часто спрашивала ее:

— Оля, ну что ты нашла в Владимирове? У тебя были такие красивые парни. А ты выбрала именно его. Чем он тебя покори́л?

И сестра с улыбкой лаконично отвечала:

— Умом.

И действительно, наш зять был умен. Прекрасный собеседник, он всегда был душой любой компании. В его обществе скучно не было. Паша постоянно где-то заочно учился и к моменту знакомства с сестрой, имел уже два высших образования. Парень имел ум острый, а способности весьма разносторонние.

В тот роковой год, в ноябре, я решила съездить в Польшу навестить родственников. У Славика был отпуск, и я выкроила недельку на эту поездку, предоставив возможность мужу и дочери похозяйничать в доме без меня. По моему возвращению мы планировали всей семьей отправиться в Париж. Увидеть Париж было моей

давней мечтой. И очень скоро моя мечта должна была осуществиться. Муж преподнес мне эту поездку в качестве подарка к очередной годовщине нашей свадьбы. И я была несказанно рада такому замечательному подарку, поэтому, когда я вошла в купе поезда «Москва — Варшава», мое настроение было просто превосходным.

Моими попутчиками оказались немолодой поляк, который возвращался домой из длительной командировки и две симпатичные девушки. Компания была приятной, и мы непринужденно болтали обо всем.

— Девчонки, вы в Варшаву по делам? — Поинтересовалась я, разворачивая плитку шоколада. Я очень люблю шоколад. Особенно с цельными орехами.

— Нет, в гости к парню Светы. Он учится в университете, — ответила на мой вопрос Юля, стройная брюнетка с большими карими глазами, указывая на свою подругу. — Он сделал нам вызов, вот мы и едем вдвоем. Вместе как-то смелее. Это наша первая поездка за границу. А вы тоже в Варшаву?

— Нет, мои родственники живут в Катовице.

Я в Варшаве пересадку буду делать, — беззаботно ответила я и предложила шоколад своим спутникам.

Светлана, эффектная блондинка, взяла кусочек сладкой плитки и счастливо улыбнулась.

— Я очень люблю своего Женю, и мы с ним уже давно встречаемся. Он такой славный. Его ведь пригласили учиться в Варшаве по студенческому обмену. Он очень талантливый биолог. Я не хотела, чтобы он уезжал. Но такой шанс упускать было нельзя. Хотя я волнуюсь очень. А вдруг он там девушку себе найдет? Польку. Говорят, что они очень красивые и элегантные.

— Ну не горюй, Светка, заранее. Если любит, на другой не женится. Вот и чувства заодно проверите, — Юля говорила уверенно, со знанием дела, отправляя в рот очередной кусочек шоколада. Эта уверенная в себе особа словно знала, что у подружки все уже было решено, и опасений Светланы девушка не разделяла. — Вот приедем, и ты убедишься, что любит он только тебя и никого другого на примете у него нет.

Пан Яцек, наш попугачик, некоторое время внимательно прислушивался к разговору.

— Извините меня, пожалуйста, пани. Но можно и я выскажу свое мнение? Да, наши девушки очень хороши, но ваши, русские, на мой взгляд, гораздо красивее и добрее. Уж поверьте мне, немолодому человеку. Если бы я мог сбросить лет этак двадцать, я бы только на русской барышне женился.

— Вы не старый еще и прекрасно выглядите, — сделала комплемент поляку Юлька.

— Спасибо! — Яцек галантно поцеловал девушке руку. — Может, милые пани, шампанского выпьем. Я везу домой несколько бутылочек. Уж очень вкусный этот напиток — «Советское шампанское».

— А у меня еще шоколад есть, — весело поддержала я элегантного поляка.

— А у нас конфеты, — девчонки полезли в сумки доставать сладости. — Гулять, так гулять!

Пан Яцек разлил шампанское по нашим стаканам, встал и, покачиваясь в такт поезду, торжественно произнес:

— Разрешите, прекрасные пани, первый бокал выпить за вас. За красивых и очаровательных!

— Спасибо, — я и мои попутчицы дружно поблагодарили поляка и рассмеялись.

Мы выпили, потом пан Яцек вновь наполнил наши стаканы.

— Юлька, а у тебя есть парень? — поинтересовалась я у девушки.

— Да.

— Как-то грустно ты это произнесла.

— Понимаешь, мой любимый человек женат. И его жена ожидает ребенка. Мы уже давно с ним встречаемся. И ее беременность так некстати. Если бы ни это, он бы давно ушел от жены.

— Да, ситуация, — сказала я, разворачивая фантик конфеты. — Но зачем же ты с ним встречаешься, если знаешь, что он женат? И где гарантия, что он разведется с женой?

— Я просто влюбилась, — вздохнула девушка и вскинула на меня свои ярко накрашенные

глаза. — И влюбиться в него было нельзя. Он очень умный. И к тому же летчик. В прошлом году я летала в отпуск в Адлер, так он был пилотом нашего самолета. Я познакомилась с ним еще на земле. А когда мы были в воздухе, он даже водил меня в кабину летчиков. Так интересно было видеть небо не из иллюминатора, а из кабины пилотов.

Честно признаюсь, что в тот момент я не испытала никакого беспокойства. Может быть это шампанское затуманило мне голову, и я не придавала значения рассказу Юли. И я не насторожилась.

— А он любит тебя? — спросила я, надкусив следующую конфету.

— По-моему Юля нравится ему, — ответила за подругу Света. — Только, Юлька, не обижайся, пожалуйста, я тебе уже много раз говорила об этом. Паша не бросит жену и никогда на тебе не женится. Я как-то видела их вдвоем. Они очень красивая пара. И по тому, как они шли рядом, и по тому, как они смотрели друг на друга ну никак нельзя сказать, что они на грани развода. Просто он морочит тебе голову. Вот и все.

— Он оставит ее, как только она родит. — Упрямо поджала губы Юля. — Он мне сам об этом

говорил. Он часто рассказывал мне, что отбил ее у своего друга. Она очень нравилась ему. Но она постоянно занята только собой. Плохо готовит. Не убирает в квартире. Все делает Паша. Засранка она...

— Постой, Юля, как ты говоришь звать твоего любимого? — я все еще не могла поверить в то, что слышу. Не может этого быть! Это не мог быть наш Павел.

— Павел. Павел Владимиров. А жену его зовут Ольга, — охотно пояснила Юля.

Сказать, что я получила шок — ничего не сказать! Сомнений больше не было. Мой зять изменяет сестре. Бедная, бедная Олечка...

— Так вот, послушай, что я, Юля, тебе скажу, — с металлическими нотками в голосе заговорила я, едва справляясь с гневом, раздирающим меня изнутри. — Засранка, о которой ты сейчас говоришь — это моя сестра. Родная. Во-первых, подбирай выражения! И поверь мне, Паша никогда ее не бросит. Он любит ее, а она его. И у них прекрасная семья. А во-вторых, послушайся моего совета — держись от них подальше! Моя сестра красива и умна. Она

великолепная хозяйка. И тебе, Юля, с ней рядом не стоять! — И сама того не желая, я сорвалась на крик. — Ты ей в подметки не годишься!

Новость была неожиданной и очень неприятной. Я видела, как Юля растеряна. Никто не ожидал такого поворота событий: ни она, ни ее подруга, ни пан Яцек, который стал случайным свидетелем непростой жизненной ситуации.

Однако, Юля быстро оправилась и, глядя прямо мне в глаза, жестко заявила:

— Послушайте, мне, честно говоря, наплевать на вашу сестру! Я буду до конца бороться за свою любовь. И пусть сам Владимиров решает с кем ему оставаться. Со мной или с вашей сестрой, — Юля выпалила все что думала и вышла в коридор, громко хлопнув дверью.

— Дамы, дамы, не надо ссориться, — попытался успокоить нас пан Яцек. — Давайте, я вам вина налью...

— Какое там вино, — расстроено сказала я и тоже покинула купе. Я направилась к тамбуру. Очень хотелось курить. И мне было, о чем подумать.

До самой Варшавы в купе висела тягостная липкая тишина. Девчонки старались не смотреть на меня, а я же не хотела видеть наглуую Юлю, которая могла испортить жизнь моей сестре.

Выходя на Варшавский перрон, с девушками я не попрощалась. Только небрежно кивнула пану Яцеку, когда тот ободряюще улыбнулся мне.

Мое настроение было испорчено напрочь.

Все время пребывания у тетушки Ядвиги меня не оставляла мысль об измене Павла. И мне надо было решить, стоит ли рассказывать сестре о том, что я узнала. И тогда я подумала, что необходимо посоветоваться со Славой. Как он скажет, так я и поступлю.

Слава встречал меня на вокзале. Я быстренько рассказала о своей поездке и спросила:

— Славочка, звонила ли тебе Оля? Как ее самочувствие?

— Звонила, Манюня, — муж всегда меня называл именно так — «Манюня». — У нее все отлично. Немного, правда, волнуется перед родами.

Все вы трусихи.

— Знаешь, дорогой, как это ни банально, но, если бы хоть один мужчина родил ребенка, человечество прекратило бы свое существование. Ни один из вас не смог бы пережить то, что мы испытываем во время родов, — немного резковато сказала я.

— Ладно, ладно, Манюня, не заводись. И с чего бы это ты такая дерганая сегодня? Случилось что-то? — муж озабоченно обнял меня за плечи.

— Даже не знаю, что и сказать...

— Не томи. Рассказывай, — не на шутку встревожился Слава.

— Понимаешь, я случайно узнала, что наш Пашка Оле изменяет, — выдала я новость мужу.

— А ты уверена, что это правда? — Слава с сомнением посмотрел на меня.

— Более чем, — я расстроено кивнула. — Я ехала с ней, ну с этой девушкой, в одном купе до Варшавы. Приятная такая шатеночка и, кстати сказать, она моложе нашей Оли. И наглая такая эта

Юля. Эти современные девицы по трупам готовы идти, чтобы добиться своего. Она даже знает, что Оле скоро рожать. Самое неприятное то, что Пашка обсуждал со своей любовницей сестру. И такая она, и сякая она. Очень неприятно было слушать все это...

— Не расстраивайся, Маша. Все утрясется, — попытался успокоить меня муж.

— Ну как же не расстраиваться? Да я просто в бешенстве!

Муж поцеловал меня в щеку и спокойно произнес:

— Честно говоря, Манюня, я не удивлен. Но думаю, что Ольге говорить об этом не стоит. Пусть живет себе спокойно. Не надо ее тревожить. Возможно, у Владимирова это увлечение скоро пройдет. А мы, если расскажем о том, что знаем, можем превратиться в их врагов. Ну узнает она. Ну поскандалят они. Разойтись — не разойдутся. А мы с ними отношения испортим. Ни Оля, ни Владимиров нам этого не простят.

— Ты так считаешь? — с сомнением произнесла я.

— Я в этом просто уверен, — поставил точку на этом неприятном разговоре мой умный муж.

В этот момент я подумала, что мне надо прислушаться к совету Славы. Но... Надо было знать мою сестру. Она тоже была умна и очень хорошо знала меня.

На следующий день после моего возвращения из Польши, Оля приехала ко мне в гости. Она очень любила нашу тетушку и ее семью, и хотела поскорее узнать свежие новости о жизни наших польских родственников. Накануне моего отъезда тетя Ядя испекла для Оли необыкновенный пирог, над которым колдовала несколько часов. Наша тетушка кулинарной была отменной и рецептов всяких знала великое множество. Но рецепт этого пирога не выдавала никому. Была в приготовлении этого кулинарного шедевра одна тонкость. Особым способом надо было взбивать яичные белки и добавлять их в тесто маленькими порциями. Был еще какой-то секрет в приготовлении пирога, но это была тайна за семью печатями. Я знала все ингредиенты этого кулинарного чуда, но сколько бы раз я не пыталась его испечь, пирог никогда у меня не получался таким воздушным, нежным и вкусным, как у тетушки.

Сестра появилась в моем доме одна, без мужа.

— Привет, Машка! С приездом, — мы с сестрой поцеловались. — Как доехала? Пирог довезла в целости и сохранности?

— Естественно... проходи в кухню. Чай будем пить с твоим пирогом. А почему Павел не приехал с тобой?

— Что-то с машиной случилось, — спокойно ответила сестра и удобно устроилась на стуле, вытянув свои стройные ноги. Чувствовалось, что она утомлена и хочет отдохнуть. — Он поехал в автосервис к Марату. На обратном пути заберет меня.

Внешне сестра выглядела прекрасно. Беременность очень шла ей. Чистое, красивое и спокойное лицо. Она не расплзлась в объемах, как я когда-то. Живот ее был небольшим и аккуратным. Мы все ждали мальчика. Сестра была уверена в том, что родится именно мальчик. И забегаая вперед, скажу, что она была права.

Муж и дочь с удовольствием присоединились к нашему чаепитию. Но они просидели за столом не

очень долго, так как еще утром решили съездить в бассейн. Муж, правда, немножко побурчал по поводу того, что нельзя плавать в бассейне сразу после еды. Но Ане очень хотелось отведать польского пирога и Слава, как всегда, пошел ей навстречу. Он вообще никогда и ни в чем не мог отказать нашей дочери, а та откровенно пользовалась безграничной любовью отца.

Когда мои домочадцы ушли, и мы переместились в гостиную, Оля пристально посмотрела на меня и сказала:

— Маня, рассказывай.

— Я же тебе уже все рассказала о своей поездке, — растерялась я.

— Нет, Машенька, не все. Я же вижу, что тебя что-то тревожит. Рассказывай, рассказывай, — сестра опустила в кресло, заложив за спину маленькую подушечку, которую прихватила с дивана.

— Олечка, мне нечего рассказывать, — из последних сил сопротивлялась я.

— Машка, ну кого ты хочешь обмануть? Я же

видела, как ты на меня посматривала все время. Необычно. Рассказывай, не тяни.

И я рассказала.

Пока я говорила, по лицу сестры я не могла понять, какое впечатление произвела на нее новость. Оля молчала. Только пальцы ее рук крепче сжимали подлокотники кожаного кресла.

— Ну что ты молчишь, Оля? — спросила взволнованно я и посмотрела на сестру, не понимая ее долгого молчания.

— Манюня, а что говорить? — очень спокойно спросила она. В ее голосе не было ни волнения, ни разочарования, ни горечи.

— Что ты будешь делать дальше? — я была поражена реакцией сестры. И оттого, что она говорила ровным и без эмоций голосом, я начала волноваться еще больше.

— Машка, да не волнуйся ты так. Я пока ничего предпринимать не буду. И разборки устраивать с ним тоже не буду. Мне надо подумать, — опять бесцветно сказала сестра. Я удивилась принятым ею решением. Мне казалось,

что она должна была бы сейчас плакать, стенать и заламывать руки. Как, наверное, сделала бы я в подобной ситуации.

Но это была она, а не я.

Когда за сестрой приехал ее муж, она встретила его ровно и спокойно, словно и не знала, что Павел предел ее и их еще не родившегося сына. Чего стоило ей это спокойствие, я могла только догадываться.

Сестра родила сына несколько раньше назначенного срока. Мы еще были в Париже. Паша сообщил нам радостное известие, и я помчалась покупать подарок своему крохотному племяннику. Я купила ему очаровательный костюмчик и большого Микки Мауса.

А через три месяца после рождения сына, сестра подала на развод.

Разошлись они тихо. Без скандалов и выяснения отношений. Просто однажды, сидя на кухне, мирно поговорили, расставили все точки над «и» ... И расстались.

Спустя три года Владимиров пытался

восстановить отношения с сестрой, но она не смогла простить ему измены. И уговорить сестру Павел не смог. А еще через два года он женился на женщине, которая была на пять лет старше его. У Светланы, так звали вторую жену Владимирова, был уже довольно взрослый сын. Во втором браке у моего бывшего зятя детей не родилось. И мой племянник — его единственный сын. Но так сложилось, что после того, как Владимиров расстался с моей сестрой, оборвалась и его связь с сыном. Почему так случилось? Не знаю. Ольга мне об этом не рассказывала, а я и не спрашивала, я просто не хотела лишний раз расстраивать сестру.

После рождения сына моя сестра расцвела и очень похорошела. И поклонников у нее прибавилось. Но она никому не отвечала взаимностью. Я знаю, что один ее коллега даже делал ей предложение. И на мой вопрос, почему она не выходит замуж, сестра с улыбкой отвечала:

— На свете есть только один мужчина, которого я безумно люблю. Это мой сын.

Мы с мужем видели, как непросто живется нашей Оле. Всю мою жизнь рядом со мной был Слава. В нашей семье именно он решал все вопросы. Я понимала, как тяжело сестре одной

растить сына. И меня не покидала надежда, что сестра еще встретит человека, который станет для нее опорой и другом.

По иронии судьбы этим человеком оказался тоже летчик, только военный.

С капитаном Ларичевым Оля познакомилась на дне рождения своей подруги Инны Марковой. Ларичев был то ли двоюродным ее братом, то ли троюродным. У Кости Ларичева был отпуск, и он приехал из Калининграда навестить своих родных. Что и говорить! Ларичев был хорош! Высокий и статный красавец. Как позднее рассказывала Аня, все женщины, которые присутствовали на банкете были им очарованы. И моя сестра не стала исключением. За праздничным столом они сидели рядом. А после застолья, Ларичев вызвался проводить нашу Олю домой.

Проводил и остался. Остался у моей сестры до конца отпуска.

Мы с мужем были очень рады за Олю. Отношения между ней и Ларичевым с первого дня сложились теплые и нежные. Мне и самой нравился Ларичев. Он был начитан и эрудирован. С ним запросто можно было обсуждать любые темы. Но

чаще всего мы говорили с ним о сестре и ее сыне.

— Знаете, Маша, я влюбился в Олю с первого взгляда. А ее Саша отличный парень. Только еще собирается в первый класс, а уже читает и даже писать умеет. Наверное, Оля с ним очень много занимается. Он мне под большим секретом комиксы свои показывал. Он завел альбом, наклеивает в него картинки и подписывает их. Конечно, там ошибок тьма. Но мне кажется, что это его увлечение надо развивать. У него, несомненно, есть способности.

Ларичев немного помолчал, затем решившись, добавил:

— Маша, я хочу сделать Оле предложение. Как вы думаете, она согласится?

— Не знаю, Костя, — засмеялась я. — Поговорите с ней, тогда и узнаете.

Но Ларичев так и не решился поговорить об этом с сестрой. Он позвал ее замуж следующим летом, когда сестра с сыном гостили у его матери в Калининграде.

Сестра вернулась из той поездки счастливой и

окрыленной.

— Маня, представляешь, Костя сделал мне предложение. И я согласилась. Правда меня несколько смущает разница в возрасте. Он на четыре года моложе меня. Но это же не страшно? Правда? Он любит меня и Сашеньку. И мне он нравится. И мама его, Ксения Алексеевна, чудесная женщина. Она приняла нас очень хорошо. Она даже с Сашей оставалась, когда мы с Костей и его экипажем ездили на взморье. У Кости там небольшой домик есть. И катер тоже есть. Так мы, представляешь, ночью в море выходили! Рыбу ловили, а потом на берегу, на костре уху варили. Вкуснятина необыкновенная! Мне его командир очень понравился. Сергей. Такой юморист, все анекдоты травил, да так умело. Его жена Люся призналась мне, что они все гадали, на ком же женится последний холостяк из экипажа мужа.

Признаться, я давно не видела сестру такой возбужденной и счастливой. В ее глазах появился свет, который, казалось давно погас.

— А предложение он мне в саду сделал. У них возле дома небольшой сад есть. Я, когда приехала, то обратила внимание, что в нем растет много кустов крыжовника. А ягоды такие большие! Мне

очень захотелось попробовать сладкий ли крыжовник, и я на следующий день все же попробовала его. Очень сладкий. Так вот, стою я в этом крыжовнике, ем ягоды и вижу, как Ларичев идет ко мне. Подошел и говорит: «Оля, а выходи за меня замуж». А я ему так же сходу и отвечаю: «А и выйду!». Мы засмеялись и договорились расписаться осенью в ноябре. В это время и у Славы твоего отпуск. Вы будете дома, вот отметим все вместе. И естественно ты и Слава будете свидетелями у нас.

Да, все складывалось отлично. Сестра была счастлива. Счастлива за нее была и я.

Ларичев часто звонил сестре. Иногда писал коротенькие письма. А потом неожиданно пропал. Ни звонков, ни писем.

Оля сама несколько раз звонила в Калининград. Но в доме Ларичевых к телефону никто не подходил. К сожалению сестра не знала номера телефона Сергея или кого-то из друзей Кости.

Время шло. От Ларичева вестей не было.

Прошел назначенный для росписи ноябрь, а

затем и холодный декабрь.

Мы с мужем с тревогой наблюдали, как меняется Оля. Она словно ушла в себя. О Ларичеве не заговаривала и никогда не вспоминала о своей счастливой поездке в Калининград. Она говорила только о сыне. И только он, Сашенька, помогал сестре пережить предательство человека, которого она так неожиданно встретила и так же неожиданно потеряла.

Много воды утекло с тех пор, и наша жизнь не стоит на месте.

Я по-прежнему следую за мужем, как нитка за иголкой. Правда, девочка наша, Аннушка, уже совсем взрослая. Сейчас я возьму такси и поеду в аэропорт. Мне нужно встретить дочь, которая прилетает из Лондона. Она учится там. Слава не смог поехать со мной, у него важная встреча, отменить которую он не смог. В Москве мы уже несколько дней.

Пока я буду ехать в Шереметьево, у меня будет время подумать над тем, что я вчера узнала, и о том, что мне с этим знанием делать. Наверное, я опять посоветуюсь с мужем. Как он скажет, так я и поступлю.

А вчера произошло чудо. Мне могут сказать, что такого в жизни просто быть не может. Но видимо, богу было угодно, чтобы сестра узнала правду.

Я выскочила из бутика и очень торопилась в гостиницу. Мы с мужем собирались в театр и у меня оставалось очень мало времени, чтобы привести себя в порядок.

Я остановила машину и плюхнулась на заднее сиденье. Я назвала адрес, и так как путь предстоял немаленький, спросила у водителя:

— Скажите, пожалуйста, как быстро вы доставите меня по назначению?

— Трудно сказать. Если пробок не будет, то за полчаса или минут за сорок, — ответил мне водитель приятным баритоном.

— Отлично, — обрадовалась я и выглянула в окно. — Да... Москва меняется просто на глазах.

— Согласен с вами, — поддержал разговор водитель. — Я и сам не перестаю удивляться этим переменам. Уезжал служить из одного города, а вернулся совсем в другой.

— А где вы служили?

— В Калининграде. Я бывший летчик.

— Интересно. Когда-то и я знала человека, который служил там же.

— А как его звали? — поинтересовался отставник.

— Костя. Костя Ларичев.

— Не может быть! — воскликнул водитель. — Так ведь этот парень служил под моим началом. В моем экипаже. Замечательный был летчик. И очень хороший человек, скажу я вам.

— Не такой он уже был и хороший, — в сердцах выпалила я.

— А вы, если не секрет, откуда его знаете? Все, кто знал его когда-то, не согласились бы с вами, — в голосе таксиста слышалась укоризна.

— Он много лет тому назад собирался жениться на моей сестре.

Таксист резко затормозил, прижался к обочине и остановил машину.

— Так вы, Маша? Сестра Оли? — в крайнем изумлении обернулся ко мне бывший летчик.

— Да, — я была поражена не меньше его. — А откуда вы знаете имя моей сестры?

— Так я же Сергей! Сергей Половцев! И я был хорошо знаком с вашей сестрой. Мы познакомились, когда она приезжала к Косте. Она тогда нам очень понравилась. И мы все были очень рады за них.

— Вот так чудеса...

— И вы ничего не знаете?

— А, чего я не знаю?

— Так в конце октября того года Костя погиб, — с горечью в голосе ответил Половцев.

— Как?

— Он утонул. Мы, как обычно, отправились на рыбалку. Костя вышел в море несмотря на то,

что штормило. Мы, правда, немного выпили. И Костя тоже. Он не справился с управлением, перевернулся и утонул. Мы пытались найти его. Но увы. Это оказалось невозможным. Море выбросило его тело только через два дня. Ксения Алексеевна попала в больницу. Инфаркт. Она не смогла пережить гибели сына... и вскоре ее не стало. Я хотел связаться с вашей сестрой. Но ни телефона, ни адреса я не нашел. Жаль, мне очень жаль. Я представляю, что она тогда о Косте подумала.

— Да... Странно все... Мне надо было приехать в Москву, остановить вашу машину с тем, чтобы узнать о таком. Видно это судьба, — прошептала я.

Мы еще некоторое время молчали. Затем Сергей отвернулся, завел машину, и мы тронулись в путь.

Когда Половцев привез меня к гостинице, то вышел из машины вместе со мной. Проводив меня до входа, он мягко коснулся моей руки и сказал:

— Маша, он любил очень любил вашу сестру. Ларичев был хорошим человеком. Так ей и передайте. И передайте от меня привет.

— Хорошо, обязательно передам. Прощайте!

Я все рассказала сестре. Немного помолчав, она задумчиво произнесла:

— Знаешь, Маша, в юности мне приснился один странный сон. Я не придавала ему значения тогда, но запомнила его почему-то очень хорошо. Представь себе небеса. Белые воздушные облака легко парят в бескрайней синеве. Справа и слева возвышаются две высокие хрустальные башни. Вход в них открыт для всех. Но чтобы попасть в одну из них, необходимо отстоять очередь. К правой башне очередь выстроилась очень длинная. К левой — намного короче. Иногда, то женщина, то мужчина из правой очереди переходят к левой башне. Все эти люди в глубине души мечтают попасть именно в эту левую башню. Тем не менее, все терпеливо дожидались своей очереди в ту башню, попасть в которую им было предназначено судьбой. Да. В этих башнях раздавали судьбу. И в той левой башне, в которую стремились все, выдавали счастливую судьбу. Так вот, я стояла за судьбой с правой стороны, а ты, дорогая сестра, со стороны левой. И ничего с этим поделать нельзя. Каждому — свое.

Дельфин

«Как я тут оказалась? Почему я здесь?» — думала молодая женщина, недоуменно оглядываясь по сторонам. Эта растерянная женщина была необычайно хороша собой. Длинные густые пепельные волосы были собраны заколкой, легкий макияж, нанесённый умелой рукой, подчеркивал красоту ее бледного лица. Черный брючный костюм не прятал великолепной фигуры красавицы, а напротив, выделял все ее прелести. Серые выразительные глаза женщины сейчас были грустны. Проходящие мимо нее люди могли заметить, что красавица недавно плакала. Она одиноко стояла рядом с витриной, нервно сжимая в руке батистовый носовой платочек.

Марина, так звали женщину, еще раз оглянулась вокруг. Секция большого универмага была полна предметами, которые ранее ее совершенно не интересовали. Карандаши, краски, кисти, холсты и мольберты — все здесь было размещено почти в идеальном порядке.

— Вам предложить что-нибудь? — обратилась к Марине молоденькая продавщица.

— Нет, спасибо. Я просто посмотрю.

Девушка деликатно отошла в сторону и принялась выравнивать стопку альбомов для рисования.

Марина была в недоумении. Она никогда не заходила в этот отдел универмага. Она никогда не любила рисовать. Участь в школе, она еле-еле вытянула годовую четверку по ИЗО, но ни сколько по этому поводу не переживала. Ведь для рисования нужен талант или, уж во всяком случае, хоть какие-то способности. Но ни того, ни другого у нее не было.

Тем не менее, молодая женщина достала из красивой лакированной сумочки кошелек и пересчитала наличность.

«Да, денег достаточно. Для чего?» — подумала она.

Так, держа кошелек в руке, Марина неуверенно стала прохаживаться возле стеллажей.

Сначала она остановилась возле красок и долго не могла сделать выбор между маслом и акварелью. Ее выбор пал на акварель. Холст или бумага? Поскольку она выбрала акварель, значит нужна бумага. Марина отобрала несколько листов

ватмана и пошла дальше. Вскоре карандаши, простые и цветные, ластики, краски и кисти уже не помещались в ее руках.

— Давайте, я вам помогу, — услышала Марина приятный голос продавца.

Марина благодарно кивнула и обе женщины направились к кассе.

Денег в кошельке хватило на все. И еще намного осталось на такси. Сейчас Марина хотела одного — поскорее оказаться дома и приняться за дело. Это желание было таким неожиданным и таким сильным, что она в нетерпении переминалась с ноги на ногу в ожидании чека. Наконец заветный чек получен и покупка упакована в большой пакет.

Марина бегом устремилась к стоянке такси. На счастье, свободная машина словно ожидала ее появления. Уже через полчаса, молодая женщина расположилась на кухне и принялась за работу.

Сначала она сделала набросок картины в карандаше. Она почти ничего не поправляла, словно кто-то невидимый водил ее рукой — уверенно и точно. В этот момент она была необычайно возбуждена и счастлива. Она была

уверена в том, что если у нее все получится, то страшное не случится.

Марина влюбилась в одну минуту. Страстно. Она и сама не ожидала, что способна на такое сильное чувство. Любовь захватила ее целиком и не позволяла видеть вокруг ничего и никого кроме своей любви — Олега.

Марина познакомилась с Олегом на вечеринке у сокурсника и своего близкого друга Павлика Журавского. Павлик до института успел отслужить в армии и повоевать в Афганистане. Олег Новиков был однополчанином и закадычным другом Журавского. Молодые люди очень ценили свою дружбу. В одном бою они получили ранения и в госпитале лежали в одной палате. Одновременно выписались и вернулись домой. Эта фронтовая дружба связывала их сильнее братских уз. И когда с той памятной вечеринки Марина ушла с Олегом, Паша принял ситуацию как нечто неизбежное. Он уступил свою девушку другу без истерик и выяснения отношений. И так же мужественно принял приглашение на свадьбу лучшего друга, на которой исполнил обязанности шафера счастливого жениха.

Марина была счастлива. На свадьбе родители

подарили молодоженам квартиру. Девушка буквально порхала из комнаты в комнату, обустривая квартиру по своему вкусу. Олег соглашался со всеми приобретениями своей молодой жены и ни в чем ей не перечил. Единственное, чего не хватало новой семье, так это денег. Да и кому их хватает? Но Марина не огорчалась. Она была уверена, что муж обязательно найдет себе работу по душе. Ведь сейчас есть столько возможностей заработать. Хочешь — устраивайся в приличную фирму, хочешь — организуй свое дело и обеспечивай семью так, чтобы хватало и на хлеб, и на зрелища.

Но, увы. Олег или не хотел, или не умел зарабатывать. Он менял одно место работы на другое и всякий раз умудрялся увольняться со скандалом. Муж постоянно был всем недоволен, и в любом конфликте винил других, но только не себя.

Марина до поры не особенно задумывалась над сложившимся положением вещей. Она работала в большой страховой компании созданной ее матерью. Ольга Гавриловна была женщиной умной, напористой и властной. Всех сотрудников фирмы держала в ежовых рукавицах. Порой и Марине приходилось слышать от матери и упреки, и замечания, но работа Марине нравилась, она

прилично зарабатывала и нисколько не обижалась на мать за выговоры. Работа есть работа.

Что до Ольги Гавриловны, то она не была в восторге от сделанного дочерью выбора. Но дочь полюбила, была счастлива, и мешать жизни Марины Ольга Гавриловна не хотела. Она считала, что каждый должен жить своей жизнью. И набивать шишки каждый должен сам, если того очень хочется. А то, что ее Мариночка эти шишки будет набивать, у мудрой женщины не было никаких сомнений. Она видела Олега насквозь и чувствовала, что жизнь дочери не будет безоблачной. Однако в отношении дочери и зятя не вмешивалась. И с нетерпением ожидала рождения первого внука.

Рождение сына изменило жизнь в молодой семье. Прибавилось хлопот и новых обязанностей. Марина полностью погрузилась в материнство. И все меньше внимания уделяла Олегу. А он, предоставленный сам себе, все больше времени проводил в компании друзей. Времени у молодого отца было в избытке, он по-прежнему нигде не работал. Олег все чаще стал требовать у Марины денег на выпивку, а когда у нее денег не оказывалось, он начинал срываться на крик. А однажды очередная ссора закончилась банальной

дракой. Распушенность и невоздержанность мужа пугали Марину, но она любила и прощала ему и оскорбления, и побои. Прощала еще и потому, что знала — муж не совсем здоров. Ранение в голову, полученное в Афганистане, давало о себе знать. И нет вины Олега в том, что он так груб с ней. Виновата страна, которая отправила Олега воевать.

В один из дней, Марина неторопливо собиралась на прием к педиатру. Пришла пора делать сыну очередную прививку.

— Олег, ты pomoжешь мне? — позвала Марина мужа, одевая малыша.

— Я занят. Сама справишься, — лениво отозвался муж из соседней комнаты.

— Чем же ты занят?

— Собираюсь на работу. Пашка что-то подыскал мне. Надо сходить и посмотреть, что это за работа такая.

— Как здорово! — обрадовалась Марина. — Передай от меня Паше привет и огромное спасибо.

— Сама спасибо и скажешь. Он придет к нам

вечером. Ладно, пока. Я пошел.

За мужем закрылась дверь, а Марина подумала: «Мог бы сходить со мной в поликлинику, или, во всяком случае, коляску вниз снести. Но с другой стороны, работа важнее. Хоть бы повезло ему на этот раз!»

В поликлинике на прием к врачу очереди не было, и Марина с малышом на руках вошла в кабинет. Марине нравилась участковый педиатр. Людмила Федоровна была женщиной приятной, излучающей покой, уверенность и доброту. Да и в кабинете у педиатра было как-то по-домашнему тепло и уютно.

— Марина Сергеевна, направления на прививку сегодня я вам не дам, — сказала мягко Людмила Федоровна, осмотрев малыша.

— Почему? — Испугалась вдруг Марина. — У сына что-то не в порядке?

— Вы не волнуйтесь, пожалуйста, Марина Сергеевна. Но меня немного беспокоит сердечко Андрюши. Необходимо сделать кардиограмму и УЗИ. Сейчас я вам выпишу направление на обследование. Когда все пойдете, и мы увидим

результаты, тогда и будем думать, что делать дальше.

— Доктор, не пугайте меня, — еще больше разволновалась Марина. — Что у Андрюши с сердцем?

— Прослушиваются шумы. Необходимо выявить их причину.

— Это очень серьезно?

— Посмотрим. Проконсультируемся с нашим кардиологом. У нас в поликлинике очень хороший кардиолог. Так что раньше времени волноваться не будем, — Людмила Федоровна принялась выписывать направления, а Марина трясущимися руками принялась одевать сына. «Господи! Какой ужас! Бедный мой мальчик! А может быть все еще и обойдется? А может зря я раньше времени паникую?» — застучали страшные мысли в висках. Воображение подбрасывало одну за другой ужасные картины того, что может случиться с сыном.

По дороге домой Марина изо всех сил пыталась справиться со своим волнением, но колени предательски дрожали. На ватных,

подгибающихся ногах Марина едва добралась до дома.

И волновалась, как оказалось, она не напрасно. Самые худшие опасения участкового педиатра подтвердились.

Марина ничего не поняла из заключения врачей и в поставленном ими сыну диагнозе, но она совершенно точно осознала, что ее малышу предстоит пережить серьезную и сложную операцию. И от исхода этой операции будет зависеть вся дальнейшая жизнь и ее, и ее сына.

Время до назначенного страшного дня тянулись медленно. Марина чувствовала, что от горя и неизвестности сходит с ума. Она не отходила от своего сына ни на шаг. И не давала подойти к нему никому: ни мужу, ни свекрови, ни матери, которая на время поселилась в их с Олегом квартире.

— Мариночка, доченька, сходила бы ты на улицу, подышала бы свежим воздухом, — часто уговаривала Ольга Гавриловна дочь. — Я присмотрю за Андрюшей не хуже твоего. Тебе необходимо немного отдохнуть. Ты практически не спишь. А тебе нужно сил набраться.

Но Марина не слышала мать. Она все больше и больше погружалась в страх за жизнь сына. Но за сутки до того дня, когда она должна была лечь с сыном в клинику, Марина не стала спорить с матерью и отправилась на прогулку.

Вот так Марина и оказалась сейчас в своей кухне.

В квартире было тихо. Муж на работе. А мама, наверное, с Андрюшкой на прогулке. Ей никто не мешает. Вот уже закончен набросок. И теперь можно работать красками. Марина взяла разделочную доску. Это палитра. На ней она будет смешивать краски. Голубая, белая, синяя. Немного серой и зеленой. И желтая тоже пригодится. Хочется даже не желтого цвета, а золотого, яркого. Да, именно такого цвета она хотела добиться...

Когда Ольга Гавриловна вернулась с внуком домой, она застала дочь в кухне. Марина стояла возле стола и что-то рассматривала. С внуком на руках Ольга Гавриловна тихо подошла ближе и в удивлении воскликнула:

— Доченька, что это?